

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К АВГУСТУ БОЛЬТЦУ (1871)

Публикация В. А. Лукиной

Публикуемое письмо, адресованное немецкому лингвисту и переводчику Августу (Аугусту) Константину (Константиновичу) Больтцу (Boltz, Больц; 1819–1907), было приобретено Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в юбилейном 2008 году на аукционе J. A. Stargardt, прошедшем в Берлине 25 и 26 ноября того же года (см.: Katalog 689). Оно стало первым и единственным на сегодняшний день документальным свидетельством того, что Тургенев и Больц состояли в переписке, а также раскрыло некоторые обстоятельства появления в 1871 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» рецензии писателя на четвертое издание пользовавшегося успехом учебного пособия Больтца «Lehr-gang der russischen Sprache für Schul-, Privat- und Selbstunterricht» (Berlin, 1871).¹

Август Больц родился и вырос в Бреславле (ныне Вроцлав), где окончил гимназию св. Магдалины и первоначально занимался торговлей, однако в то же время не оставил занятий по изучению иностранных языков и в 1839 году начал преподавать в Торговой школе (Practische Handlungs-Academie) в Гамбурге. Затем Больц в течение нескольких лет жил в Петербурге, сначала в качестве домашнего учителя в одной аристократической семье, а с 1842 года преподавая немецкий язык в военно-учебных заведениях (в том числе в Пажемском корпусе).

¹ Под названием «О книге А. Больца» рецензия была впервые опубликована: *СПбВед.* 1871. 6 октября. № 278; подпись: «Ив. Тургенев». См. также: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 10. С. 270, 547–548; примеч. М. П. Алексева.

В 1845 году он защитил докторскую диссертацию в Йенском университете и вскоре после возвращения на родину, в 1852 году, получил должность преподавателя русского языка в Военной школе (с 1858 г. Королевской военной академии) в Берлине.² В том же 1852 году в Берлине вышло первое издание его учебника (в двух томах) по русскому языку, долго пользовавшееся значительным спросом и неоднократно переиздававшееся. Как отметил М. П. Алексеев, «эта книга являлась первым опытом приложения метода Робертсона к изучению русского языка иностранцами».³ В дальнейшем, по аналогии с учебником русского языка, Болътцем были подготовлены учебные пособия по английскому, французскому, итальянскому и испанскому языкам, за которыми последовали также учебники по немецкому и новогреческому (в то же время все эти пособия были переведены им на русский). В 1862 году Болътц получил звание профессора, однако два года спустя вынужден был оставить службу из-за расстроившегося здоровья, тем не менее он продолжил работу над составлением различных учебников и учебных пособий.⁴

Помимо педагогической деятельности, значительную часть своего времени Болътц посвящал переводам, в первую очередь с русского и новогреческого языков. Так, ему принадлежат два перевода (или переложения) на немецкий язык «Слова о полку Игореве»,⁵ полный перевод «Героя нашего времени»,⁶ а также стихотворений Лермонтова, Фета, Майкова, Тютчева, гр. Ростопчиной, К. Павловой, Е. Кульман и др. Владея многими языками и обладая обширными познаниями о различных национальных литературах, Болътц осознавал значимое место славянской культуры в общеевропейской семье и особое внимание уделял

² В 1858–1864 гг. преподавал также испанский и английский язык в Морском кадетском корпусе.

³ *ИССУП(2). Соч.* Т. 10. С. 548. Здесь же даны сведения об общих принципах построения учебника Болътца.

⁴ Сведения о Болътце почерпнуты из следующих источников: *Winkel H.-J. zum Fürst P. A. Vjazemskij und August Konstantin Boltz // Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1962. Bd. 30. H. 1. S. 124–127; ИССУП(2). Соч.* Т. 10. С. 547–548, примеч. М. П. Алексеева.

⁵ Первое комментированное издание Болътца с параллельными текстами, вышедшее в 1854 г., имело серьезные недостатки, «поэтому, — как отмечает Г. Штурм, — в 1868 г. он переделал текст, опираясь на лучшее русское издание» (*Штурм Г. К истории переводов «Слова о полку Игореве» на немецкий язык // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 164*). Именно в издании 1854 г. немецкий читатель впервые познакомился с полным древнерусским текстом «Слова».

⁶ *Der Held unserer Zeit. Kaukasische Lebensbilder von Michail Lermontov. Berlin, 1852.*

Август Больтц

русскому языку и культуре. Известны также некоторые его критические работы о русской литературе. Так, 3 (15) марта 1851 года он прочел в берлинском научном обществе доклад «О русской литературе», где в кратком виде представил всю историю развития русской литературы,⁷ разбив ее на четыре исторических периода. Характеризуя последний, современный ему период, который охватывает время правления императора Николая I, Больтц назвал его «периодом национальности и самостоятельности» и выделил в нем два основных направления: первое («строго национальное») представлено Пушкиным, «русским Гёте»,⁸ второе («натуральная школа») — Лермонтовым, «русским Байроном».⁹ При этом он проявил неплохую осведомленность, перечислив

⁷ Доклад был напечатан: *Über russische Literatur. Ein Vortrag gehalten am 15. März 1851 im wissenschaftlichen Verein. Berlin, 1851. 28 s.*

⁸ «Прозаическим и поэтическим произведениям этого поистине великого поэта присущи одновременно высокое совершенство формы и глубоко народный характер. Глубокое чувство и богатая творческая фантазия дышат в каждой строчке одиннадцати томов его сочинений, язык которых по своему богатству и мастерству будет долгое время оставаться недостижимым образцом», — так отзывался в своем докладе Больтц о Пушкине (*Über russische Literatur. S. 24*). Здесь же был приведен выполненный им перевод стихотворения «Эхо», а также одной сцены из «Бориса Годунова».

⁹ «Относительно Лермонтова, — отмечал Больтц, — этого Байрона России, уже тысячи высказывали сожаление, что он не родился в свободном Альбионе вместо того, чтобы быть сосланным на Кавказ вторым Прометеем и в цвете лет быть убитым на дуэли пулей убийцы» (пер. цит. по: *Dukmeyer F.* Лермонтов у немцев // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. / Под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. СПб., 1913. Т. 5. С. 106).

среди «превосходных романистов нового времени, частично переведенных на немецкий язык», помимо Булгарина, Загоскина, Н. Павлова, Соллогуба и Сенковского, также Гоголя и Герцена.¹⁰

Сведений о личном знакомстве Тургенева с Больтцем не сохранилось,¹¹ однако «заочно» писатель познакомился с ним еще в 1855 году, когда в берлинском издательстве Г. Шиндлера в свет вышел второй том первого немецкого отдельного издания «Записок охотника». Как известно, первый том под заглавием «Aus dem Tagebuche eines Jägers» вышел годом ранее в том же издательстве в переводе Августа Видерта и был высоко оценен Тургеневым.¹² В него вошли одиннадцать рассказов: «Петр Петрович Каратаев», «Лебедянь», «Ермолай и мельничиха», «Бурмистр», «Мой сосед Радилов», «Одноворец Овсяников», «Бирюк», «Контора», «Смерть», «Татьяна Борисовна и ее племянник» и «Гамлет Щигровского уезда» (ранее публиковавшиеся в различных немецких периодических изданиях).¹³ По договоренности с издателем, Видерт готовил также перевод второй части, но в апреле 1855 года неожиданно узнал о том, что том уже вышел в переводе Больтца. Об этой «гадкой» истории два месяца спустя он сам написал Тургеневу. «Вы, может быть, удивлены, — сообщал он, отправив через посредство кн. П. А. Вяземского экземпляр перевода, — прочитав имя другого переводчика. Но по-

¹⁰ Über russische Literatur. S. 27. Кроме того, Больтцем написаны две большие статьи о новой русской литературе, опубликованные в «Magazin für die Literatur des Auslandes» (1856), около десяти статей о русских писателях для десятого издания «Энциклопедического словаря Брокгауза» (1854) и др.

¹¹ Известно, что Больтц встречался с П. А. Вяземским (*Winkel H.-J. zum. Fürst P. A. Vjazemskij und August Konstantin Boltz. S. 125*). Винкель высказал также предположение, что он мог быть знаком с А. А. Фетом. Некоторые основания для этого предположения дает автограф стихотворения «Муза» («Дай руку мне, дай руку, пери злая...»), предположительно принадлежащий самому Фету, который сохранился в бумагах Больтца в Дармштадте (*Ibid. S. 126*).

¹² «Перевод Ваш так добросовестен и изящен, — писал Тургенев 28 декабря 1854 г. (9 января 1855 г.) Видерту, — что мне остается только благодарить Вас» (*Viedert Vladimir with Žekulin Nicholas G. The Viedert — Turgenev Correspondence // N Z Sl J. 1991. P. 23*).

¹³ О переводах Видерта из «Записок охотника» см.: *Алексеев М. П.* Мировое значение «Записок охотника» // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 216–221; *ПССУП(2). Соч. Т. 3. С. 420–423; Dornacher K.* Die ersten deutschen Übersetzungen der «Zapiski ochotnika» I. S. Turgenevs und ihr Echo in der zeitgenössischen deutschen Literaturkritik (1854/55) // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam. Gesellschafts- und sprachwissensch. Reihe.* 1966. Jg. 10. H. 2. S. 153–161.

верьте мне, я был удивлен больше Вас, когда мне ее прислали на дом вместе с последним Вашим письмом. <...> Дело в том, что этот псевдо-перевод сделан и напечатан был тихонько от меня. Книгопродавец Шиндлер, уже уговорившись со мною, но еще не сделав письменного контракта, встретился как-то с г. Больцом и рассказал ему, что платит мне „die horrende Summe von anderthalb Friedrichs d'or“ <<чудовищную сумму в полтора фридрихсдора> — нем.> с печатного листа. Г-н Больц нашел, что это неслыханная цена, и сказал, что он перевел бы ему то самое за половину и — они тотчас условились, несмотря <на то>, что у предприимчивого переводчика не было даже и оригинала <...>. И далее: «Я, конечно, всю эту проделку узнал только тогда, когда книга г. Больца уже была напечатана. Книгопродавец и переводчик имели очень важные причины утаивать от меня их предприятие: они знали, что мой перевод второй части был уже готов и что я, если б узнал об их намерении, мог бы опередить их, издав тотчас мой перевод».¹⁴

Более всего Видерт был огорчен тем обстоятельством, что в высшей степени неудовлетворительный, по его мнению, перевод вышел в качестве продолжения его труда и под тем же заглавием. Он планировал в дальнейшем «устроить второе издание своего перевода, поместив в него и те рассказы, которые должны были составить вторую часть», однако это издание не состоялось.¹⁵ Свое негодование Видерт излил в очередном «берлинском письме» — так он называл регулярные фельетоны, которые помещал в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1855. 3 сентября. № 192),¹⁶ отметив, что по обилию ошибок перевод Больца не уступает злополучному переводу Э. Шаррьера. Несомненно, что Тургенев внимательно ознакомился с откликом Видерта, поскольку в одном из последующих писем, выражая сожаление по поводу пропажи своего предыдущего письма к нему, он заметил: «Это мне жаль, потому что я в этом письме распространился о переводе г-на Б<ольца>, который во многих отношениях может поспорить с переводом Шарриера, как Вы это очевидно доказали в фельетоне „С<анкт>-П<етер>бургских ведомостей“. Видно мне уж такая выпала судьба на переводы. — Мне это досадно и для себя и главное для Вас <...> я понимаю, как должна быть вся эта история для Вас неприятна».¹⁷

¹⁴ Viedert Vladimir with Žekulin Nicholas G. The Viedert — Turgenev Correspondence. P. 34–35. Письмо от 30 июня 1855 г.

¹⁵ Ibid. P. 35. См. также примеч. 5 к этому письму.

¹⁶ Об этом фельетоне см.: Ibid. P. 39, примеч. 2.

¹⁷ Ibid. P. 41. Письмо от 20 октября (1 ноября) 1855 г.

После того как в 1858 году обе части немецкого перевода «Записок охотника» были перепечатаны Шиндлером вместе, Видерт опубликовал анонимную отрицательную рецензию в «Московском обозрении» (1859. № 1. С. 76–85), где подверг резкой критике перевод Больтца и привел много смешных ошибок, встречающихся в его переводе и действительно искажающих смысл. «Печальные результаты сличения этого перевода с оригиналом, — отмечает М. П. Алексеев, — Видерт довел также до сведения Тургенева, который долго помнил сообщенные ему примеры, цитируя их в своих письмах; так его в особенности позабавило, что слова Ерофея про Мартына-плотника — „зашибал маленько“ — переведены Больтцем „однажды он забылся“, а фраза „у мужика *овес* только скошен“ получила такой вид: „мужик только что покончил со стрижкой *овец*“». ¹⁸

В дальнейшем имя Больтца как будто исчезает из жизни писателя, во всяком случае оно ни разу не упоминается в сохранившейся части его переписки вплоть до 24 сентября (6 октября) 1871 года, когда Тургенев обратился к П. В. Анненкову с просьбой поместить в газете «Санкт-Петербургские ведомости» «небольшую рекламу об одной книге А. Больтца». «Книга весьма хорошая и полезная, — отметил он далее, — стало быть, я без зазрения совести могу ее рекомендовать». ¹⁹ Как видно из публикуемого письма, Больтц сам обратился к Тургеневу с просьбой поместить в русских газетах рецензию-«рекламу» своего учебника русского языка, вышедшего в том же году четвертым изданием, и с этой целью выслал ему экземпляр книги. Судя по всему, письмо Больтца было адресовано в Баден-Баден, но не сразу было получено Тургеневым, который покинул город вместе с семьей Виардо из-за начавшейся франко-прусской войны и, временно поселившись в Лондоне, был вынужден вести скитальческий образ жизни, время от времени совершая поездки в Россию, Германию и Францию в связи с финансовыми хлопотами (в том числе по продаже своей баденской виллы). В 1871 году Тургенев приезжал в Баден-Баден на один день в феврале, откуда выехал в Россию, а затем в марте вернулся в Лондон. Вновь в Баден писатель приехал лишь 9 (21) августа — тогда же, по всей видимости, он и обнаружил поджидавшие его письмо и книгу Больтца. Из-за сильнейшего приступа подагры в колене, который начался в первых числах сентября ст. ст. и длился около месяца, Тургенев задержался с ответным письмом, отправив его лишь 24 сентября (6 октября). В этот же день, как говорилось выше, Анненкову был отправлен текст объявления для помещения

¹⁸ Алексеев М. П. Мировое значение «Записок охотника». С. 262.

¹⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 140.

в «Санкт-Петербургских ведомостях» (сам автограф не сохранился). Дав в целом высокую оценку книге Больтца, Тургенев пообещал в следующем письме указать на «некоторые небольшие погрешности», однако, выполнил ли он свое намерение, остается неизвестным.

Публикуется по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 442.

Тургенев — Августу Больтцу

24 сентября (6 октября) 1871 года. Баден-Баден

Baden-Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
d. 6. Oct. 1871.

Geehrter Herr!

Meine Antwort auf Ihr Schreiben hat lange auf sich warten lassen — aber erstens kam es mir spät zu Händen — zweitens war ich durch Abwesenheit und Krankheit verhindert, Ihr Buch zu lesen. — Endlich habe ich es gethan und bin hoch erfreut über dessen Vortrefflichkeit. Sie sind in den Genius unserer Sprache eingedrungen, wie vielleicht wenige Ausländer; Ihren Kentnissen, Ihrem Fleiss — alle Achtung! — Mit besonderem Vergnügen habe ich Ihren Wunsch erfüllt — und eine Anzeige an die Redaction der «С<анкт>-П<етер>бургские ведомости» abgeschickt, die wahrscheinlich in den anderen Blättern wiederholt sein wird.

Ich behalte es mir vor, auf einige kleine Irrthümer Ihre Aufmerksamkeit — in einem andern Schreiben — hinzulenken — und verbleibe mit Hochachtung

Ihr ergebener
J. Turgénjew.

С немецкого:

Баден-Баден.
Тиргартенштрассе, 3.
6 окт. 1871.

Милостивый государь!

Я давно уже должен был отвечать на Ваше письмо — но, во-первых, оно поздно попало мне в руки — во-вторых, отсутствие и болезнь помешали мне прочесть Вашу книгу. — Наконец я это сделал и был очень обрадован, найдя ее превосходной. Вам

IT
Baden Baden.
Thiergartenstrasse, 3.
d. 6 Oct. 1871.

Geehrter Herr!

Meine Antwort auf Ihr Schreiben hat lange
auf sich warten lassen - aber erstens kam es
mir spät zu Händen - zweitens war ich durch
Abwesenheit und Krankheit verhindert, Ihr
Buch zu lesen. - Endlich habe ich es gethan,
und bin hoch erfreut über dessen Vortreflichkeit.
Sie sind in dem Genies unserer Sprache ein-
gedrungen, wie wirklich wenige Ausländer; Ihre
Kenntnisse, Ihrem Fleiss - alle Achtung! -

Mit besonderem Vergnügen habe ich Ihnen
Wunsch erfüllt - und eine Anzeige an die Re-
daction des T. N. Syrenichs Wapensammler abge-
schickt, die wahrscheinlich in den anderen
Jahren Blättern wiederholt sein wird.

Ich behalte es mir vor, auf einige kleine
Wirkümer Ihre Aufmerksamkeit in einem
andern Schreiben - freigelegten - und

удалось проникнуть в дух нашего языка, как, возможно, немногим иностранцам; Вашим знаниям, Вашему усердию — честь и хвала! — С особенным удовольствием я исполнил Вашу просьбу — и послал объявление в редакцию «С<анкт>-П<етер>бургских ведомостей», которое, вероятно, будет перепечатано другими газетами.

Я позволю себе обратить Ваше внимание — в другом письме — на некоторые небольшие погрешности — и остаюсь с глубоким уважением

преданный Вам

И. Тургенев.